

"Поиск" В поисках...

... Яркое светило сквозь плохо зашторенные окна солнца. Среди этого благообразия как бы издали донесся громовой раскат. На горло Н. А. Козорез легли пальцы с маникюром, и ... режиссер скрыл от глаз зрителей тяжелый занавес. А совсем рядом, ничуть не тревожась этим исчезновением, развлекалась игрой в карты довольно-таки необычная троица...

Но далеко человеку до потусторонних сил, а они вот ищут какую-то Басалаеву, у которой какой-то бенефис. Впрочем, Басалаева совсем не какая-то, и бенефис совсем не какой-то, а самый настоящий, ведь наш университетский театр "Поиск" пристрастается с двумя своими актрисами.

А в актовом зале зрителей встречает суровый взгляд самого Воланда, визг кота Бегемота и, наконец, пистолетный выстрел Азазелло... "Мессир, Геллы нет". Но что им до дел людей?

Между тем на сцене разворачивается целый розыск. Год за годом слуги сатаны просматривают прошлое. Перед зрителями разворачивались сцены из жизни древней Греции, средневековой Италии, современной Франции. Очередной роман Джакомо Казановы заронил сомнения в ду-

щу Бегемота и Азазелло - очень уж похожа его героиня на Геллу. Но... поиски продолжаются, а Геллы нет. И вот Воланд устраивает сеанс черной магии. На необычное зрелище собираются все способные стоять на ногах. Тут и мадам Семплеярова Р. Ф., тут и ее муж - г-н Семплеяров А. А. Тут и известный всей Москве конференсье Жорж Бенгальский (С. Копочев). Невозмутимый Воланд /А. Николаев/ ведет сеанс. А зрители требуют: "Магию!" И вот она, магия - словно из небытия возникает неизвестная Наталья Винклер со своей не менее неизвестной ролью Геллы в спектакле "Ночь весеннего полнолуния" по мотивам романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита".

Знаменитый конференсье Копочев-Бенгальский объявил второй акт. Открывается занавес и - ах! Бедная царская дочь Поддипа (Н. Винклер) срывается с веревочной петли... А все потому, что немецкий полководец Трумф (А. Николаев) хочет взять ее в жены. Но царевна верна своему другу князю Слюняю (А. Акуленко).

Разумеется, не обошлось и без интрижки. Поддипа и ее служанка (Л. Басалаева) устраивают заговор, и разыгрывают Трумфа и простоватого вечно пьяного царя-батюшку Вакулу (Е. Груздов). И все устроилось как нельзя лучше, вот разве что трусаватый Слюняй испортил свои штаны... А когда в конце вечера взлетели над сценой не только цветы, но и бенефициантки, зал взвыл от восторга.

В. БЕЗЪЯЗЫКОВ (Я-72),
он же А. Семплеяров в бенефисе.

На снимках: Л. Басалаева перед бенефисом и Н. Винклер-Дэзи в спектакле "Носорог".

Суперкубок. — у юристов

Вот и закончился очередной футбольный сезон в университете. И завершился он, надо сказать, на мажорной ноте.

Три сильнейших сборных выясняли между собой отношения в борьбе за Суперкубок - сборная физического факультета, юристы-второкурсники и "Сброд" (матфак). В однокруговом турнире физфак не смог противостоять более сильным соперникам и проиграл обе встречи.

28 мая в финальном матче встретились команды, хорошо и стабильно выступавшие на протяжении всего сезона. И действительно, игроки показали скоростной, комбинационный футбол, порадовав

немногочисленных (по понятной причине) болельщиков. Первый тайм не выявил превосходства ни одной из команд, действия нападающих. Небольшое игровое и территориальное преимущество юристов во второй половине матча совершенно лгично вылилось в два красивейших гола. Отличились два Сергея - Таричко и Насрулаев.

Второкурсники юридического факультета в очередной раз доказали кубковый характер своей команды. До этого они завоевали Кубок Университета и Кубок Математики, и вот теперь - Суперкубок.

Искренне поздравляем победителей и желаем дальнейших успехов в следующем сезоне уже на третьем курсе.

К. АЯПБЕРГЕНОВ.

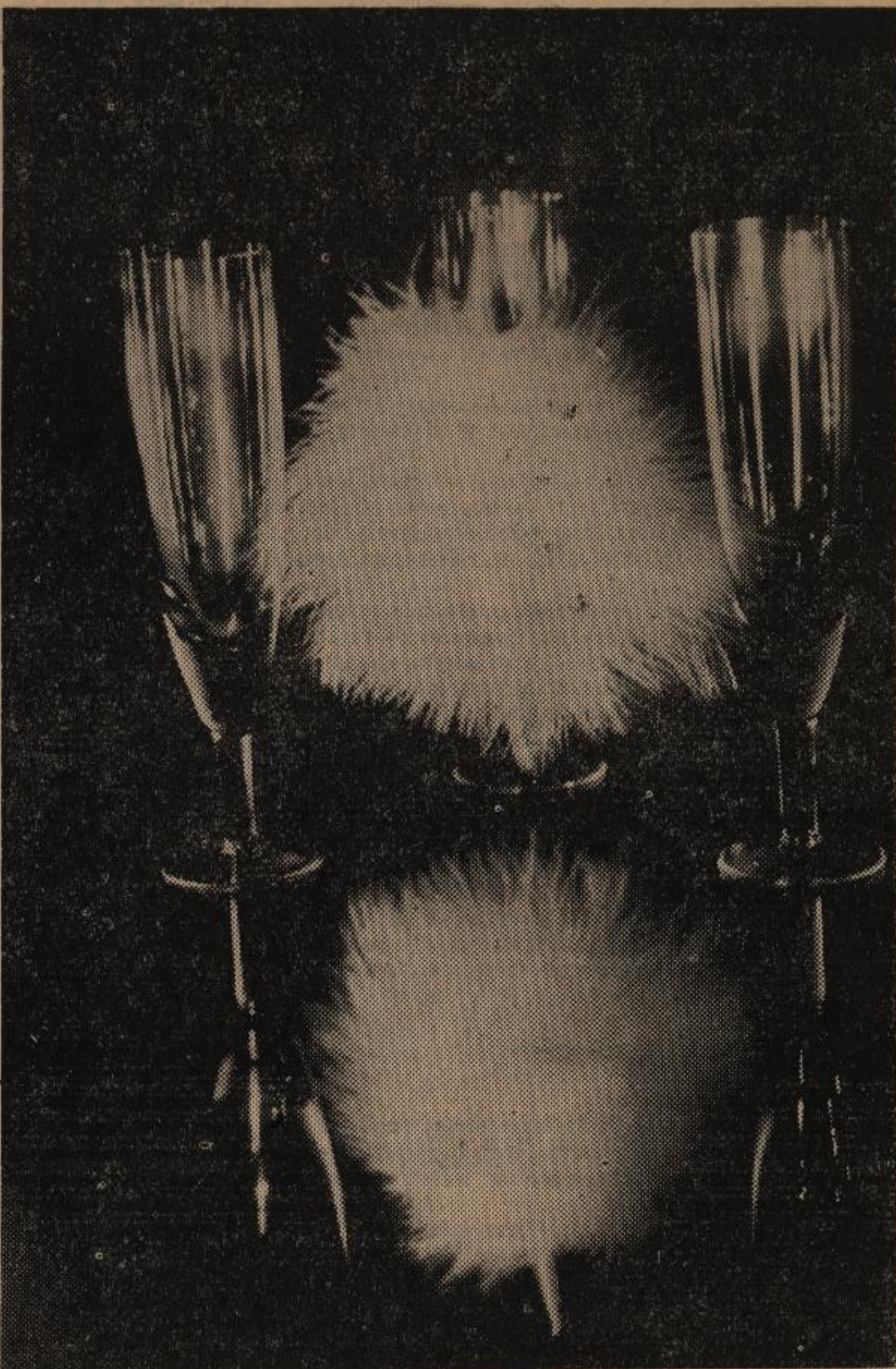
ОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОРГАН СОВЕТА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

* N 2 (27)

* 10 июня 1991 г.

* Цена 10 коп.

Евгений ГРУЗДОВ.

Я отправился в путь
на восток и на запад,
Я отправился в путь
по сердцам и телам,
Я отправился в путь,
чтоб смеяться и плакать
И тем самым весь мир
поделил пополам.

Я познал гениальность дня,
Но альбом издания ночи
Раскрываю - и вижу тебя,
Твои карие звездные очи
Обожгли непомерностью чувств.
Оживила улыбкою - тайной.
Там где ты, забывается грусть,
Там мечта называется - Таня.

Горсть огорченья
в кулак зажал.
Признал молчанье,
не больше.

Но то,
что раньше
тебе рассказывал,
То в тысячу раз
горше.

Ответ?
Он не нужен...
На страшном суде?..
Его

нет
страшнее,
хуже.

Мелькает надежда
в грязной воде,
В грязной
соленой луже.

Соль
твоих слез.
Крестик разлук,
Как брат сестре,
в руку.

Было и будет
сколько-то рук,
Встречающих
так

разлуку.
Боль не награда.
Жажда - остаток,
Вот и пора

помолиться,
Руки вздернув,
болью лопаток
Смог этот день проломиться.

1

За три часа с небольшим автобус доставил Федю Стружину куда следует, а следовало в колхоз имени Бенкендорфа. Вообще-то это место называлось (раньше) Третье отделение колхоза "Меньшевик", но студенты-историки дали ему другое имя. Как и положено студенту-историку, Федя был широко образованным человеком и знал, что Бенкендорф был прогрессивным политическим деятелем времен Великого Государя Николая I и большим другом Пушкина, а меньшевики были демократической партией, которая до последней капли крови вела борьбу с большевистской тиранией, но идейно они во многом заблуждались. Что такое колхоз, толком не знал никто... Профессор Сермяжний недавно получил премию имени Отца-Основателя за то, что дал этимологию этого слова (он считал, что "колхоз" - это хозяйство, которое ведется на "кол"), но не все были согласны с его версией. Ныне он усиленно, но безуспешно искал этимологию слова "совхоз".

Ни колхозов, ни совхозов в Великороссии давно уже не было, вся земля, как и до Черного февраля и Кровавого Октября, была возвращена крестьянским общинам. Законным владельцам-дворянам тоже вернули их поместья, но барское хозяйство оказалось неконкурентоспособным. На последней Государственной Думе начался разговор о частной собственности на землю, да тут же кончился. Но топонимика - вещь странная, старые названия в ней живучи, а потому крестьяне упорно не хотели называть свою деревню поэтичнейшим русским именем Клоповка, предпочитая Третье отделение. Впрочем, жителей в Клоповке осталось немного. Поговаривали что 10 лет назад она вымерла от тифа, но на самом деле ее жители просто перебрались в город, спасаясь от бедности и скуки. Но несколько семей в деревне еще жило, и ими-то интересовались студенты-этнографы: там было много стариков и старух.

Федя приехал навестить свою младшую сестру Ксюшу. Не то чтобы он так уж сильно соскучился по сестренке, все-таки они учились в одном университете и жили в одном общежитии, и всего лишь неделю назад Ксюша уехала в этнографическую экспедицию, а сам он вскоре собирался в археологическую. Но неожиданно она позвонила ему по телефону и потребовала, чтобы он срочно приехал. На все вопросы отвечать отказалась: "Не телефонный разговор!"

Федя увидел, что Клоповка состоит из одной лишь улицы, вытянувшейся вдоль реки. Заблудиться здесь он не мог, даже если бы захотел этого, но найти дом, в котором поселились этнографы, тоже было нелегко. Все дома в деревне походило на прямоугольные параллелепипеды, по улицам шныряли туда-сюда бездомные собаки и кошки, а люди не попадались. Феде стало жутко: показалось что он - один в вымершей от тифа деревне и сам вот-вот... Но тут он увидел, что во дворе одного из домов горит костер: это этнографы готовили ужин.

Федя поздоровался с поварихой, одной из ксюшиных подружек, потом вошел в дом, настолько вросший в землю, что непонятно было, куда ведут ступени крыльца - вверх или вниз, но войти это не мешало. Внутри не было ни души, но на всякий случай Федя, как положено, перекрестился двумя перстами на иконы Пресвятой Богородицы с Младенцем Христом, и Великому ученику Николаю Кроткого; затем экспедил поясной поклоном портрету Отца-Основателя. Он сделал это потому, что начальник экспедиции этнографов имел репутацию человека идейно убежденного и весьма набожного.

Дверь резко распахнулась - и на порожке стояла Ксюша. Порожек был прогнивший, как и все вокруг.

- Привез чего-нибудь пожарить? - без приветствия спросила Ксюша.
- Капусты два вилка. И еще пряников.
(Все это Федя купил для своих друзей-археологов, но неудобно было ехать к сестре с пустыми руками).
- Это неплохо... Для этнографа, сам знаешь, хорошие отношения с местным населением - первое дело. Тогда и готовить не надо, любой информатор накормит. А тут нищета...
- Зачем звала? - хмуро вымолвил Федя, уже жалея, что приехал в этот Богом забытый угол.

2

- Дюло есть, зря не позвала бы. Потом скажу.
- Нет уж, сестрица, - нехорошо улыбаясь, выдохнул Федя, - нет, ты прямо сейчас все начистоту и выкладывай. А то у меня, сама знаешь, ни времени лишнего нет, ни денег.
Насчет денег он мог и не говорить: уж Ксюша-то знала, что у Феде их нет вообще - сколько раз она занимала ему трешку или пятерку до стипендии, и он еще ни разу не отдал. Она не боялась брата, но ей и самой не терпелось обо всем рассказать.
- Обнаружилась тут могила большевиков, расстрелянных колчаковцами. Понимаешь? Нет, большевики, конечно, преступники, но ведь среди красноармейцев были и простые крестьяне, которым коммунисты головы задурили. А земский староста хочет на этом месте водонапорную башню построить, будто уж больше негде.
- Понятно, - сказал Федя, - ты хочешь, чтобы я помог сохранить эту могилу...
- Каждый человек имеет право после смерти быть погребенным в земле! - воскликнула Ксюша.

У Феде на сей счет были иные соображения: сколько древних могил он раскопал, сколько костей вытащил из земли! И сейчас у него в голове уже родилась шальная мыслишка... "Погребальный обряд Западной Сибири эпохи раннего большевизма" - чем не тема для курсовой работы? Научным руководителем будет, конечно, доктор Органзи. Тут Федя вспомнил те словечки, от которых его сердце всегда сладко замирало: погребальный инвентарь, стратиграфия, труположение, артефакт...

- Кстати, как насчет погребального инвентаря? - спросил он. - Красные звезды имеются?

- Звезд мы не видели, - призналась Ксюша. - Ни с пятью, ни с шестью лучами.
Затем она провела брата в кладовку, освещаемую лишь через очень маленькое окошко под потолком, и принялась показывать находки. Сначала она протянула Феде железный нож, некогда обоюдоострый, а теперь - обоюдотупой, кроваво-красного цвета, как и все железные предметы, пролежавшие сто или больше лет в земле. Ничего больше Федя сказать о нем не мог.

Потом Ксюша сняла с полки нечто округлое - Феде показалось, что это человеческий череп, но это оказался печный горшок. У него шевельнулась мысль, что в XX веке глиняными горшками уже не пользовались, по крайней мере, в могилы их точно не клали, но он отогнал это соображение прочь. Сосуд был орнаментирован от дна до горлышка, но не краской, а прочерченными полосками и печатным штампом. И этот штамп походил на свастику - точнее, ею и являлся.

"Но фашисты в наших краях не бывали!" - подумал изумленный Федя, и тут заметил, что горшок явно изготовлен без гончарного круга.

- Так-то оно так, - сказал Федя, - но ведь свастика - не большевистский символ. Да ведь все говорят, что большевизм - это фашизм! - жарко, но не очень уверенно сказала Ксюша.

Федя промолчал, поскольку у него опять возникла идея: "Геометрическая символика раннего большевизма" - чем не название научной статьи? В "Археологию совдеповского периода" должны взять!

Ксюша между тем взяла в руки еще один предмет, который Федя принял за еще один горшок, но это, напротив, был человеческий череп. Федя отнюдь не испугался - уж к черепам-то он привык, и принялся внимательно его разглядывать. Как и все древние кости, этот череп был темно-коричневого цвета и, судя по размерам, принадлежал взрослому и крупному мужчине. Следов насильственной смерти на нем не было, что, разумеется, решительно ни о чем не говорило.

Тут их позвали к ужину.
После ужина Федя предложил сделать грог. Грогом он называл чай с малиновым вареньем и стрелецкой водкой. Если кто и знал, что грог - это нечто другое, то не возразил: всем хотелось выпить.

Е. МУРАШЕВА

ТАЙНА ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

Историческая фантастика

3

Выйдя на двор, студенты расселись вокруг костра. Чаша, то бишь алюминиевая кружка, с "грогом" переходила из рук в руки, сосновые шишки потрескивали в огне, дым поднимался к небу, и к небу же уносились песни. Гитаристом был Федя.

Сначала они пели идейно выдержанное и высококачественное: "Люди идут по свету", "Я смотрю на костер догорающий" и другие. Но спустя некоторое время, захмелев и осмелев, они принялись петь специфические песни, неизвестные людям других профессий. Есть среди них лирические, но немало и скабрёзных, и если бы кто-нибудь их услышал, то студентам пришлось бы плохо: есть ведь в Соборном уложении специальная статья об "издевательстве над живым великорусским языком".

Можно было бы, конечно, петь и безобидные песни, но сегодня Феде хотелось покуражиться. Круг у костра постепенно таял, люди уходили в избу спать, и только у Феде сна не было ни в одном глазу. Ведь, может быть, в могиле красноармейцев зарыто его блестящее будущее? Сколько рассказов ходит о том, как некий безвестный и молодой ученый раскопал нечто - и проснулся знаменитым! Надо бы только сохранить эту могилку, чтобы ни одна находка не пропала. Тогда... тогда, возможно, материала хватит и на кандидатскую диссертацию. Но главное - тогда! Завтра же Федя пойдет к земскому старосте и к капитан-исправнику и все им объяснит.

Ушел и начальник, и в конце концов остались только надежные люди: Ксюша, ее приятель Гриша и ее подружка Тоня со своим парнем Ваней. Федя устал играть, и компания перекочивалась на анекдоты.

Как известно, анекдоты бывают двух разновидностей: политические и неприличные; за последние полагается гораздо меньший срок, но они не годятся для смешанного общества. Поэтому у костра звучали главным образом политические анекдоты: про Государя и Государыню, Отца-Основателя, исторических деятелей всех сортов и даже про Господа Бога. А еще чаще звучал смех.

Федя подсчитал в уме, что на пятерых за сегодняшний вечер им полагается по двести тридцать шесть лет отсидки, если только найдется стукач. Но стукача среди них не было.

Когда у всех заболели от смеха щеки, стали говорить "за жизнь". Что жизнь какая-то не такая, признавалось всеми. Со времен Великой Реставрации столько лет прошло, нельзя же до сих пор всюду видеть врагов... Ваня говорил, что необходимо создать Земский Собор. Ксюша возражала: не Земский Собор, а Учредительное собрание. Тоня полагала, что все было бы хорошо и так, если бы Государь меньше слушал своего дядю, Великого Князя Кузьму Лукича. Гриша считал, что во всем виноваты министр двора граф Жадейкин и министр без портфеля князь Хвостомыслский, известные своей продажностью. Гнать их надо поганой метлой, пока все не разворовали, да не прогонись - столбовые дворяне, Рюриковичи. Что до Феде, то он был уверен, что без крови не обойтись. Ненасилие - выдумка сентиментальных барышень, и никогда Жадейкин и Хвостомыслский с Кузьмой Лукичом не согласятся на Земский собор или Учредительное собрание. Да и не абсурд ли - власть, передающаяся по наследству? Но эти мысли Федя благодушно держал при себе.

- А не знает кто-нибудь из вас, кто такая Кшесинская? - неожиданно спросила Ксюша.

- Это одна польская еврейка с филологического, - сообщил Федя. И тут же сам поинтересовался, - а интересно, кто такой Гришка Распутин?

- Это я тебе потом расскажу, - пообещал Ваня, - это не при девочках!

- Еще бы, - хихикнула Тоня, - с такой-то фамилией!

Гриша промолвил задумчиво:

- А мне вообще кажется, раньше жизнь не такая плохая была, как сейчас говорят. Ну, бедно жили... допустим... А разве сейчас - богато? Зато какие тогда книги были, песни...

- Точно! - с энтузиазмом согласился Федя. - Я одну запрещенную книгу прочитал - "Бруски" называется. Вот это книга!

Ксюша так и восторгалась:

- Почему же ты не дал ее мне?

- Самому только на ночь дали.

- Ты хочешь сказать, что прочитал "Бруски" за одну ночь? - удивилась Тоня. - Но ведь это два толстенных тома.

- Нет, она совсем маленькая...

- Интересно, почему ее запретили, а "Поднятую целину" нет? - спросила Ксюша.

- Так ведь Шолохов - нобелевский лауреат, - объяснила Тоня. - И потом, к нему такие комментари сделали, что честнее было бы запретить.

Тонина мать работала в архиве, поэтому девушка знала больше других.

Потом Федя опять взялся за гитару. На этот раз они стали петь запрещенные песни: "Вихри враждебные", "Варшавянку" и даже "Красная Армия всех сильней". Федя очень

4

гордился, что только он знает последний куплет: "Мы раздуваем пожар мировой, церкви и тюрьмы сравняем с землей".

Они не говорили о могиле красноармейцев, но всем казалось, что духи расстрелянных большевиков незримо витают над костром, призывая если не к отмщению, то хотя бы к восстановлению справедливости.

На следующее утро этнографы, как всегда, пошли к своим информаторам, а Федя, пообещав сестре, что все сделает как надо (но не сказав о своих планах насчет могильника), отправился в уездное село Лорис-Меликово. Скоро он уже стоял на главной площади села. Прямо перед ним была Земская управа, позади него была деревянная церковь, налево - церковно-приходская школа, а направо - лавка местного купчишки. Федя хотел было зайти сначала именно туда (все сельские лавчонки дешевы), но решил, что сначала дело - и направился вперед, то есть к земскому старосте. Но вдруг оробел и остановился перед крыльцом, как будто ему хотелось получить разрешение посмотреть площадь.

В одном из углов, по традиции, высился гранитный памятник Отцу-Основателю, подавляя своей монументальностью и поражая своей топорностью; в другом - бронзовый памятник адмиралу Колчаку, весьма несхожий с оригиналом; в третьем стоял мраморный бюст какого-то неизвестного Феде человека - возможно, самого Лорис-Меликова, прогрессивного политического деятеля времен Александра II; ну, а четвертый угол украшала собой скульптура Великому ученицу Государыни Александры Федоровны со чады. Почему-то скульптор изобразил царицу в душегрейке и кичке, и она из-за этого сильно смахивала на дымковскую куклолку.

Он перевел взгляд на середину площади: там была солидных размеров лужа, несмотря на то, что лето стояло сухое. В луже купались утки, гуси и даже один лебедь. Черного цвета.

Тяжко вздохнув, Федя нырнул в темноватое холодное чрево Земской управы.

У земского старосты была черная борода, красная лысина и почему-то голубые глаза. Он так посмотрел ими на Феде, вежливо поклонившегося в пояс, что тому стало жарче, чем было на улице, будто его обдало пламенем газовой горелки.

Эта могила большевиков, - чуть не давясь собственным языком, залепетал Федя, - представляет собой очень ценный исторический источник. Да. Погребальный обряд в эпоху раннего большевизма археологически чрезвычайно мало изучен... Вот. И мы хотели бы сохранить это захоронение...

Земский староста начал вставать, и вставал он долго, потому что был высок ростом, да и в ширину лишь чуть-чуть меньше, чем в длину, и Федя испуганно смолк, до того это выглядело зловеще.

- Каленым железом! - воскликнул великан неожиданно высоким и визгливым голосом. - Каленым железом надо выжигать большевистскую заразу!

Федя был уверен, что земский староста сейчас кинется на него и задушит, но тому не хотелось вытаскивать из-за стола свое огромное брюхо.

- Будь моя воля, я бы вырыл ихние скелеты из земли да расстрелял бы еще раз! До седьмого колена! До седьмого колена надо уничтожать коммунистическое отродье! Вылезли! Внуки и внучки красных на Свет Божий повывезли! За предков своих отомстить хочут! Привилегии свои вернуть хочут! Демократию им подавай! В гробу мы эту демократию...

Его дальнейших слов Федя не слышал: он пулей вылетел из Земской управы. И долго еще бежал по деревенским улицам, провозжаемый удивленными взглядами старух, потому что казалось ему, что земский староста хочет уничтожить его своим биополем.

Лишь через несколько кварталов Федя несколько успокоился. Он понял теперь, что вел себя в высшей степени глупо: с дураками и фанатиками, разумеется, следует разговаривать иначе. Но сделанного не исправишь, а потому Федя отправился к капитан-исправнику, справедливо рассудив, что два одинаковых монстра на одну деревню - это многовато.

В самом деле, капитан-исправник оказался полной противоположностью земскому старосте. Изященький, чистенький, смазливенький человечек. И мебель у него в кабинете была легкая, красивая, дорогая. Однако ни симпатии, ни доверия Федя не ощутил: напротив, он насторожился.

Голосом гораздо более твердым, чем в земской управе, он изложил суть своего дела. Капитан-исправник уперся округлым подбородком с ямочкой на руки со сплетенными пальцами и вперился в Феде долгим и стеклянным взглядом.

- Я тоже либерал, - пропел он проникновенным голосом (Федя очень удивился: ни разу он не называл себя либералом - ни разу в жизни, а не только здесь), - но понимаете, молодой человек, все очень, очень сложно!

(Продолжение в следующем номере).

Предлагаем нашим читателям дайджест по страницам университетских газет Урала и Сибири. УрГУ недавно отпраздновал 70-летний юбилей. В связи с этим его газета дала историческую ретроспективу по своим собственным страницам еще из тех времен, когда она называлась "Сталинцем". Любопытными нам показались и заметки Л. Бельченко из "Университетской жизни" (НГУ), над которыми захотелось поставить рубрику "У Пети Кантропа" по уровню культуры наш студент как видно из них, идет "ухо в ухо" с современниками из Новосибирска. А "Альма-матер" из Кемерова явление уже потому что с 1 декабря 1990 г. выходит как объединенная городская студенческая газета.

УРАЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЗАГОНЧИК

Зита милушка какой чудесный день восклицает экспансивная девушка небольшого роста Хи-хи!

Микки не приставай! отвечает мрачная на сей раз Зита. Сегодня она не в духе, вчерашний вечер определенно не удался. Во-первых кино. Нет, она не переносит таких картин! Ни этой легкости, ни настоящей любви. Ну что это за любовь без интриг?!

Потом правда были танцы. Но он оказался простаком. Не догадался оаскошелиться Фи!

Гая снова обращается подвижная девушка к Зите уже другим тоном. Идет ли мне это платье? Сегодня солнце и мне кажется оно несколько темным?

Ты знаешь оживляется Зита мне удалось вчера увидеть такую шляпку! Не я буду если не сделаю себе такую же.

Скажи-ка продолжает "Микки" рассматривая себя в зеркальце. Лучше ли мне с этим маленьким изменением в прическе?

Где же это происходит? Кто эти девушки? Трудно поверить что это наши студентки! Зита Гая Васильева а Микки Лиза Хмельковская. Студентки четвертого курса отделения журналистики. И подобные разговоры происходят не в заграничном кафешантане, а в студенческом общежитии. Более того эти девушки не одиночки. Есть у них достойные последователи на третьем курсе в лице Раи Берштейн и других.

Есть просто легкомысленные девушки. Обычно их зовут глупышками. Однако наши героини не подходят под такое определение. Нет, все что угодно только не глупость. Напротив Хмельковская и Васильева люди с известным убеждением. Они хотят учиться. Другой вопрос зачем им образование. Мечта Хмельковской пожить. Под этим она понимает блестящую, шумную, но только не трудовую жизнь. Червь который съедает сердце Лизы это низкое происхождение. Какое несчастье. Ее мать простая работница. Это не подходит для Микки которая хочет задавать тон. Поэтому девушка старается избегать присутствия матери. Когда Хмельковской предложили сделать на заводе доклад, она всячески изворачиваясь отказалась от поручения. Как? Ей ехать к рабочим. Нет и нет она не найдет общего языка с "простыми" людьми.

Загончик как метко окрестили другие девушки комнату где живут эти любопытные обезьянки. В "загончике" можно услышать пренебрежительные отзывы о советских кинокартинах, книгах, музыке. Так по мнению подружек русская музыка не мелодична, роман Ажаева "Далеко от Москвы" можно читать только по необходимости.

Кто видел пьесу Великая сила, поставленную в прошлом году Свердловским драматическим театром, вероятно помнит как в одной из сцен появляется вертлявая дама "во всем заграничном". Она фигура эпизодическая. Но по дружному смеху в зале можно судить что зрители с первого взгляда разгадали ее природу. Конечно это не советская женщина, идущая в первых рядах строителей нового "Эпизодическая дама" скорее напоминает жену какого-нибудь западноевропейского маклера, мыслям которой не суждено подняться выше мещанских радостей. Но вернемся к девушкам из "загончика". Чем они отличаются от "дамы во всем заграничном"? Разница в том что ту мы видели в театре, а этих видим в жизни. И если в театре нам смешно то в жизни мы не терпим людей такого рода.

А. ВОБЛИКОВ.

Из газеты "Сталинец" 1949 год

Назад в пещеры?

О вы, пишущие на столах аудиторий всякие пошлости, похабщину и матерщину просто пишущие на столах! Вы, делающие idiotские приписки на объявлениях, приказах и т. п. официальных бумагах! Вы исписавшие стены туалетов! Кто вы? Покажитесь! Так хочется взглянуть в ваши лица! Так хочется понять истоки вашей "пещерности"! Конечно, господа, начинаешь себя тешить надеждой, что "заборная беллетристика" есть дело рук неких недоумков, пробирающихся в здание нашего университета мимо не очень бдительных вахтеров (немыслимо же, чтобы этим занимались замечательные студенты нашего элитарного вуза!). Но нет оказывается это мыслимо! Они все это могут! Могут плюнуть на пол и растереть плевком сапогом, ботинком могут выматериться публично (и даже при женщинах и детях!), хотя пока еще не в присутствии преподавателя и много чего еще могут оскорбляющего достоинство окружающих. Они, похоже и понятия

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

не имеют о таких выработанных человечеством правилах, как, например:

1) молодому человеку неприлично сидеть в присутствии женщин и старших по возрасту;

2) неприлично также протискиваться перед ними в дверь - следует пропустить их первыми;

3) следует непременно предложить свою помощь женщине или старшему по возрасту, если они несут какую-то тяжесть.

Как-то я несла довольно тяжелый прибор вдоль всего университетского коридора, а рядом все время шел студент, который хотел решить на ходу какие-то свои проблемы. Мы шли, разговаривали, и весь этот путь в голове у меня вертелся один и тот же вопрос: неужели так и не предложит помощь? Так и не предложил. И не какой-нибудь явный хам, а самый обычный вроде бы человек.

"Это, ну, собираюсь, типа там, в магазин, а эта, типа там, Алка - говорит: "Ты че, офонарела, не ложи

кошелек, типа там, в сумку, сопрут."

Это рассказ в общем-то симпатичной и неглупой студентки об одном из повседневных эпизодов. Не знаю, кому как, а мне плакать хочется. Жалко девочку, за себя и за державу обидно.

Но попробуйте сказать об этом девушке. Обычная реакция - удивление: "А какая разница?" - она искренне считает, с русским языком можно делать все, что угодно. Они вообще не понимают, зачем говорить правильно, и вообще что такое говорить правильно. Виноваты ли они в этом? И да, и нет. Потому что в обществе, где 73 года истреблялась интеллигенция, не могло не произойти резкого упадка культуры, и грамотности в том числе. Да - потому что возродить культуру могут только молодые, а для этого им еще надо осознать происходящее и много работать.

Так что же будем делать, а?

Л. БЕЛЬЧЕНКО.

А1мама1а1е1р

Объединенное издание вузов г. Кемерово

"Суета прикалывает"

считает "телевизионный магнат"

ЛЕОНИД ТЮМЕНЦЕВ

С начала учебного года по универсу ходят слухи о каком-то студенческом телевидении. Распространению этих слухов способствуют "черные кабели" (не путать с кабелями) неизвестного назначения, появившиеся в общежитиях N 1 и 2. Для выяснения этого вопроса, смущавшего наши умы, предлагаем вам запись конфиденциальной беседы И. ДАВЛЕТШИНА с одним из "телевизионных магнатов" Леонидом ТЮМЕНЦЕВЫМ.

Когда начался разговор об университетском телевидении?

Я тогда еще ходил в детский сад. А телеоборудование, которое сейчас находится в лаборатории учебного ТВ КемГУ снимало парад трудящихся на 1 мая и 7 ноября в Новокузнецке.

И ни у кого, наверняка, даже не возникло мысли о том, что студенты могут сами снимать передачи для себя и про себя.

Ну тогда еще котировалось ЦТ и ходят слухи, что их передачи времен застоя заряжали людей

ми типа Чумака и Кашпировского. И все были довольны.

А как у тебя появилась мысль о студенческом телевидении?

В апреле 1991 года мне приснился сон. И захотелось сон сделать явью.

О чем сон?

О Голливуде.

Ну и как там, в Голливуде?

Съезди узнаешь!

Как реагировали различные организации КемГУ на твою желание "сделать сказку былью"?

Общественные организации комсомол, профком - заняли нейтральную позицию, суть которой: "Делай, а там посмотрим". Инициативной группой было составлено "Открытое письмо в общественные организации КемГУ", которое прошло незамеченным. Потом мы разработали примерные положения об информационном центре университета и, в частности, положение об информационном центре. Все разработки легли на стол ректора. В итоге, летом, когда все отдыхали, ректор работал над

проведением кабельной сети в общежития N 1 и 2.

- Значит, все хорошо?

Да не особенно. Вопрос о статусе ТВ открыт. Дело в том, что телеоборудование находится в системе ТСО и отсюда все проблемы. ТВ должно быть самостоятельным в рамках университета. А пока ТВ похоже на шкуру неубитого медведя, которую делят.

А что значит быть самостоятельным? Что хочешь, то и снимаешь?

Само название "студенческое ТВ" определяет его специфику и направленность. Направленность на студенческие проблемы, освещение жизни университета, ее культурных, общественно-политических и учебных сторон. Ну и, конечно, развлекательная программа.

Кто входит в инициативную группу?

Честно говоря, нас еще мало. Но мы, пожалуй, в тельняшках.

- А сам-то ты чем занимаешься?

Пытаюсь организовать производство.

- Лень, а если честно, на фиг тебе все это нужно?

- Суета прикалывает.

- А с учебой как?

- Декан как-то сказал, что я могу подумать о красном дипломе.

- Ну и что, думаешь?

Да как-то все режет и режет. Затягивает суета, затягивает.

- А еще вам люди на ТВ не нужны?

- Конечно, нужны. На мой взгляд, ТВ КемГУ не должно стать элитарным. Вот сделаем первую передачу, соберем за круглым столом со всеми заинтересованными лицами и покатаем.

ТЕСТЫ, ТЕСТЫ, ТЕСТЫ

Меняется человек. Одно остается неизменным - его характер и его почерк, так по крайней мере утверждают графологи.

Напишите несколько строк любимого стихотворения. Готово?

Теперь попробуем охарактеризовать свой почерк по предлагаемым законам графологии.

Первое: размер букв - очень маленькие, высота не превышает 2-3 мм (3 балла); маленькие (7 баллов); средние (17 баллов) и крупные - выше 7 мм (20 баллов).

Второе: наклон букв - влево (2 балла); очень легкий влево (5 баллов); прямое написание букв (10 баллов); легкий наклон вправо (8 баллов); вправо (14 баллов).

Третье: форма букв - округлая (9 баллов); бесформенная (10 баллов); угловатая (19 баллов).

Четвертое: направление строки - строки ползут вверх (16 баллов); строки прямые (12 баллов); строки ползут вниз (1 балл).

Пятое: интенсивность, размахистость и сила нажима - легкая (8 баллов); средняя (15 баллов) и сильная (21 балл). Здесь при выборе класса силы нажима стоит посмотреть на обратную сторону листа, расстояние соединительной линии между буквами одного слова и сопоставить высоту "хвостов" письма с полезной высотой.

Шестое: характер написания букв - склонность к соединению (11 баллов); к разъединению (18 баллов).

Седьмое: общая оценка почерка старательный (13 баллов); почерк неровный, одни слова читаются легко, другие же, напротив, с трудом (9 баллов); почерк неразборчивый, буквы узнаются с трудом (4 балла).

Теперь все выбранные цифры складываются, и получается общее число набранных баллов.

Итак, результат получен? Скорее сможете узнать о себе почти все.

От 38 баллов до 51.

Такой почерк является отличительной чертой людей с очень слабым здоровьем, а также индивидуумов, страдающих сильными психическими расстройствами и имеющих расшатанные нервы.

От 52 до 63.

Здесь явно видна рука несколько флегматичного человека. В подавляющем большинстве жизненных ситуаций он робок, несмел, пассивен. Он не в состоянии постоять за себя и своих друзей. По складу ума - несколько романтик и философ.

От 64 до 75.

Человек, обладающий таким почерком, несомненно, решителен, однако часто пасует перед опасностью. Но опять же не лишен чувства собственного достоинства. Имеет мягкий, кроткий характер и подчас отличается утонченными манерами. Часто такие люди пытаются подогнать свою личность под рамки общепринятых правил и стандартов.

От 76 до 87.

Люди, обладающие этим почерком, добродушны и откровенны, излишне впечатлительны. Как правило, они являются хорошими собеседниками, могут доказать свою точку зрения. Способны на самопожертвование ради высоких идеалов. По характеру - "бойцы", хорошие семьянины.

От 88 до 98.

Группа, набравшая подобное число баллов, одна из наиболее распространенных. Характерные признаки - человек честен и добропорядочен, имеет наиболее устойчивую психику, отважен и инициативен, полон новых идей (единственный минус - это то, что идеи так и остаются на стадии проектов), обладает смекалкой и ярко выраженным чувством юмора.

От 99 до 109.

Можно предположить, что это индивидуалист с сильным и острым умом. Вспыльчив и в то же время обидчив. Труден в общении, так как вздорен и несколько сверлив. Он независим в суждениях и поступках. Часто среди таких людей встречаются одаренные и талантливые личности, склонные к творческой работе, изобретательству и сочинению стихов.

От 110 до 121.

Человек, обладающий таким почерком, личность недисциплинированная, грубая и заносчивая. В группе напротив отсутствует чувство ответственности.

Заканчивается учебный год, а для некоторых заканчиваются и годы учебы в университете. И на смену громкому званию "пятикурсник" придет расплывчатое "молодой специалист". А что стоит за этими словами? Что ждет впереди? Отчасти это можно себе представить, вспомнив впечатления, возникшие во время прохождения практики. Отчасти - поговорив с людьми, распрощавшимися с вузовской скамьей раньше и уже хлебнувшими... Мы попробуем вам хоть чуть-чуть помочь, хотя бы немного расширить круг ваших представлений.

Профессия благодарная или благодарная?

Впечатления от последнего дня педагогической практики филологов ОмГУ в школе N 26.

...На середину классной комнаты, столы и стулья в которой были сдвинуты к стенам, вышли два юноши. Один из них лег на пол и закрыл глаза. Второй резким движением /как будто вспарывая/ расстегнул "молнию" на куртке лежащего и запустил руки под куртку. Создавалось полное впечатление, что он отыскивает что-то наощупь где-то глубоко во внутренностях. Наконец он вынул оттуда какой-то сверток и быстро удалился, оставив "выпотрошенного" партнера там, где он и лежал...

Это было первое, что я увидела, войдя в кабинет литературы школы N 26. В разгаре был литературный КВН, который в последний день подработки проводили для своих - ну вот, уже почти "своих" - десятиклассников студентки филфака - Лена Сухоцкая, Марина Гуревич и Света Иванова. Разыгрывавшаяся на моих глазах драма оказалась пантомимической сценкой, изображавшей один из эпизодов "Преступления и наказания", какой - должны были отгадать соперники десятого "А", так остроумно интерпретировавшего отрывок романа Достоевского. Недоуменное, растерянное молчание сменилось гомерическим хохотом, когда кто-то догадался, что эта зловещая картина изображала Раскольникова, обыскивающего сундук старухи-процентщицы, а юноша, которого потрошили на глазах у всех, как раз и играл роль сундука.

Девушки придумали для своих подопечных еще много интересных, сложных и смешных заданий. С увлечением отгадывали ребята литературного героя, задуманного командой соперников, с каким-то особым азартом сочиняли по очереди, продолжая друг за другом, балладу, начатую девушками-практикантками: "Служил Гаврила педагогом, Гаврила педагогом был". С особенной любовью обыгрывалась рифма "педагог-бульдог". А в завершение всего каждая команда представила суду зрителей свое гениальное /обязательно стихотворное/ произведение на тему: "Ревнивый муж застает жену с любовником". Всех присутствующих просто-таки покорила "Грузинская история", рассказанная десятым "Б".

Пока девушки вручают призы, обсуждают с ребятами прошедшую игру, подхожу к их групповому руководителю Ольге Федоровне Мартыновой. Она - выпускница нашего университета, не первый год руководит практикой филологов в 26 школе. Спрашиваю, довольна ли она своими практикантками.

- А мне вообще на них везет. У меня такое ощущение, что ко мне из года в год приходят ну просто лучшие люди универовского филфака. Вообще выпускников университета обычно обвиняют в слабой методической подготовке.

Но вы знаете, в педагогике профессионализм то же, что и в любви: хорошо, если он есть, но не это главное. А главное, наверное, блеск в глазах, увлеченность. С этим у всех моих практиканток было все в порядке. Я и для своей дочери, когда решала, в какой класс ее отдать, учительницу выбирала именно по блеску в глазах. И в школу дочка ходит с удовольствием, учительница для нее - непререкаемый авторитет, мы с мужем только и слышим: "А вот Марина Витальевна сказала..." Этим я очень довольна, правда, вижу, что пятерки в тетрадах дочери стоят под не очень-то пятерочными работами... Но это я уже, видимо, хочу слишком много горошин на одной ложке.

- Вы считаете, что педагогу можно без каких-то качеств обойтись, компенсируют другие свойства его характера. А вот без чего ему никак нельзя?

- Ой, я не знаю, наверное, без мужества. Вот сейчас часто говорят, что у нас как-то так все устроено, что магазины существуют для продавцов, парикмахерские - для парикмахеров, а не для клиентов. А школа - она как-то так устроена, что она вообще ни для кого - ни для учителей, ни для учеников, ни для родителей... И самое тяжелое для учителя - осознать, что ты работаешь впустую. От тебя ведь ничего не зависит. Вот есть Лида Рыженко, у которой мама - доцент университета и которая читать научилась, наверное, раньше, чем говорить. И есть такой вот Олизко, балансирующий где-то на границе между дебилизмом и гениальностью. Пресловутый Олизко, которого каждый год собираются выгнать из школы. Они оба такие, какие они есть, и ты тут уже ничего не изменишь. Бывают, правда, так называемые "звездные мгновения учителя", когда твой ученик выдает что-нибудь эдакое... Что потом долго помнится и греет душу. Но ты-то знаешь, что ты тут абсолютно ни при чем.

Но тем не менее твой труд нужен. Правда, не знаю - зачем, но знаю, что нужен. И чтобы не сломиться и не рухнуть, просто необходима какая-нибудь подушка. Полностью замкнуться в школе - это гибель. Я еще жива потому, что преподаю в университете на подготовительных курсах, в университете же работает муж, он постоянно притаскивает какие-то книги, что-то рассказывает. И кроме того, сейчас я работаю в старших классах. С ними уже можно о чем-то спорить, размышлять, а вот выпущу я их и возьму пятниклашек. Вы понимаете, они милые, наивные, смешные, я их люблю, но когда работаешь с ними, постепенно привыкаешь говорить односложными фразами, начинаешь мыслить категориями, доступными одиннадцатилетнему ребенку. И тут нужны действительно мужество и стойкость, чтобы сохраниться. Я просто знаю, что буду продолжать работать на подготовительных курсах, которые предполагают другой уровень общения, и если будет совсем плохо - мне есть куда уйти из школы. У меня есть этот "запасной выход", он меня спасает от ощущения безысходности, которое в основном и ломает учителей.

Ну вот, нарисовала совсем мрачную картину, хотя вроде бы абсолютно несчастной себя не считаю. Давайте-ка, чтобы этот мрак хоть чуть-чуть рассеять, я Вас познакомлю с необыкновенным учителем - Ириной Михайловной Дрокиной.

Ирина Михайловна, учитель химии, кстати - тоже выпускница ОмГУ, когда я спросила, за что она любит свою профессию, очень удивилась:

- Но это же самая благодарная профессия! Я же просто знаю, что очень нужна своим ребятам, что им без меня не обойтись. И не потому, что я их научу химии и они через одного станут Менделеевыми. Химия - средство, на уроках я учу их логическому мышлению, общению. Общению определенного уровня. У меня есть уже свой выпуск. Они уже большие, парни вернулись из армии, а кто-то уже и из тюрьмы. И, Вы знаете, они все ко мне приходят, приходят с благодарностью. И я даже услышала такое: "Меня спасли Ваши глаза". Так чего же еще надо?

- Неужели совсем нет никаких проблем?

- Какие-то частные проблемы перечислять нет смысла. Наша современная школа такова, что рождает проблему за проблемой. Нужно целиком менять структуру обучения.

Сейчас появляется много новых методов, течений. На устах у всего Союза имена учителей-новаторов. Но они все меняют что-то внутри урока, а менять надо кардинально всю систему.

За время своей работы в школе я просто своими глазами могла наблюдать постепенную умственную деградацию. Из года в год уровень, к примеру, седьмых классов становится все ниже. Но дело тут, на мой взгляд, не в вырождении нации, а просто в несоответствии школы сегодняшнему обществу, сегодняшнему мышлению. Дети не становятся глупее, просто со временем меняется склад мышления, и школа должна гибко к этому изменению подстраиваться, она же предпочитает заталкивать детей в свое прокрустово ложе.

И еще. Необходимы маленькие школы, чтобы в школе было человек 200-300, в каждом классе - 10-15 учеников, и чтобы нагрузка у учителей была вдвое меньше, чем сейчас. А в школе на полторы - две тысячи человек, где даже не все учителя знают друг друга в лицо, сделать что-то бесполезно.

Безусловно, чтобы изменить нынешнюю школу, нужны огромные средства, а мы, как выяснилось, нищие. Но если мы хотим когда-нибудь перестать быть нищими, необходимо сейчас приложить все возможные усилия к возрождению школы, иначе из кризиса мы никогда не выйдем.

- Многие студенты университета с обреченностью думают о своем будущем, о работе в школе. Может быть, Вы дадите какой-нибудь спасительный совет?

- Да просто надо любить детей. Видеть в каждом ученике личность, сложную, многогранную. Когда увидишь эту сложность, вней захочется разобраться, разгадать какую-то тайну.

Урок нужно вести так, чтобы каждому ученику, сидящему в классе, был посвящен какой-то кусочек урока, но чтобы каждый думал, что весь урок предназначался только ему одному. И это вовсе не призыв к самопожертвованию, наоборот, в этом спасение. Когда так относишься к ученикам, каждое утро идешь не на надоевшую работу, а на встречу с друзьями, от которой чего-то ждешь, заранее ей радуешься.

... Между тем десятиклассники вволю напумедись, доели все призы и разошлись по домам. Но девушки-студентки все еще делились воспоминаниями:

- Ой, а у кого у первого появился педагог-бульдог? Ну, про Гаврилу! У твоих, Марина? Ну просто гениально!

- Ольга Федоровна, а Вы видели, что потом к команде Краснов подсел? Вот от него не ожидала. Это, по-моему, самое ценное, что сегодня произошло.

- Да, я тоже порадовалась.

- Хм, а как вам "Грузинская история"? Вот наверняка это Олизко!

- Да, Олизко стреляет раз в год, но метко. Я же тебе, Лена, говорила...

- Ну уж и раз в год, тут Вы, Ольга Федоровна, неправы...

... Кончился последний день педагогической практики, вместе с девушками выходим из школы, и я спрашиваю:

- Ну что, пойдете работать в школу?

Марина Гуревич:

- Во-первых, больше пойти все равно некуда, поэтому я пойду. А вот хочу ли... Вот так посмотришь на Ольгу Федоровну, посидишь у нее на уроках, увидишь, как она с ребятами общается, и завидно станет, тоже захочется. Хотя страшно...

Лена Сухоцкая:

- Поработав немножко, я так поняла для себя, что в школе можно существовать, только полностью этому отдаваясь. Получится ли у меня - не знаю. Хватит ли сил? Ну да ладно, буду пробовать, вдруг да что-нибудь выйдет ненароком?

Н. ЮМАШЕВА.

Этот репортаж - не первый наш материал о педагогической практике. Газета уже обращалась к проблемам школы. Надеемся, наши читатели не останутся безразличными: некоторые совсем недавно покинули ее стены, многие после окончания университета тудат туда работать. Нам бы хотелось продолжить разговор о проблемах среднего образования, думаем, если расширится круг авторов, которые пожелают поделиться своими соображениями по этому поводу, разговор может оказаться интересным и небезопасным.

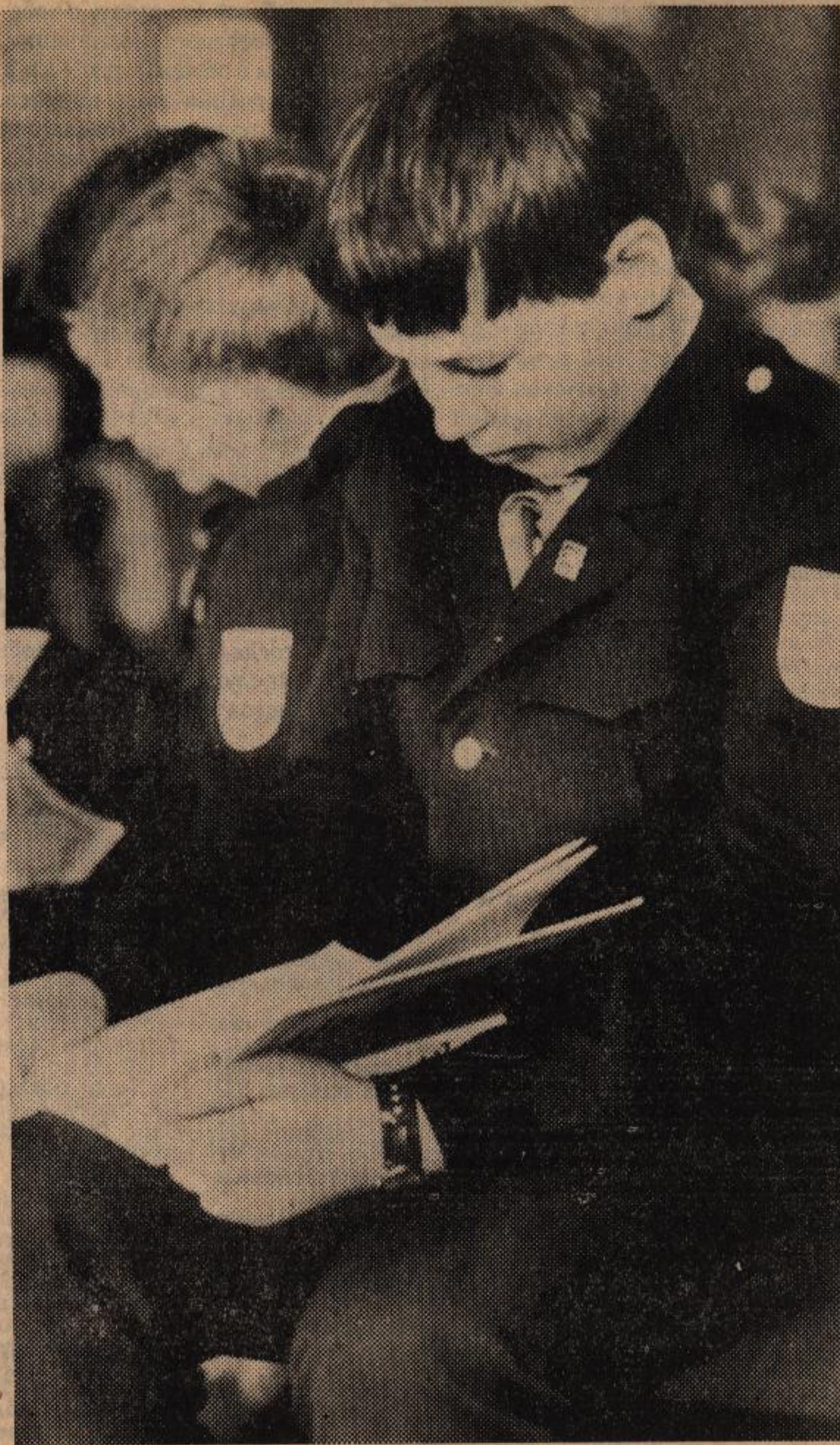

Фото В. Куницына.

Сессия - это страшно?

"От сессии до сессии живут студенты весело", поется в одной не очень популярной, зато очень студенческой песенке. Так ли это? В общем-то так. Студенты действительно самый веселый народ в мире. Они даже во время сессии умудряются жить весело. Уже легенды ходят по университету на тему: "А помнишь, в прошлом году, во время сессии..." А это совсем и не легенды, это все и правда было. Но случаи встречаются...

На экзамене по истории КПСС на предложение преподавателя отвечать без подготовки (имея в перспективе оценку на балл выше), студент вышел с зачеткой и попросил поставить тройку. Тройка была поставлена, но зачетка вылетела в окно. В сугроб.

В "Никодим" превратилось бессмертное творение Корнелия "Никомед", когда зарубежную литературу сдавали студенты филфака.

У физиков на ужасном экзамене по электродинамике, когда в аудиторию заходить-то боялись, не то что сдавать, ведь догадался же кто-то бросить зачетку в щель под дверь. Ведь догадался! За это и был награжден тройкой. Незаконной.

А как вы думаете, хорошо ли в друзьях иметь преподавателя? Хорошо? А бывает, что и не очень. Студент-юрист сдавал историю государства и права и кроме двух ос-

новных, ответил на восемнадцать (!) дополнительных вопросов. Для ровного счета. А все почему? А потому, что преподаватель его по дружбе спрашивал.

Ну, а насчет взяток? И это бывает. Студент истфака вместо подготовки к экзаменам подготовился ко встрече с экзаменатором и на сдачу экзамена по истории стран Европы и Америки пришел с огромным букетом роз. Тройку получил, что же еще?

Ну, а преподаватели? У них все курьезы связаны со шпаргалками. То из кого-то уже после получения оценки начинают сыпаться шпаргалки. То кто-то, готовясь к экзаменам, написал ответы на колёнках и "забыл" смочь, то... да мало ли. Шпаргалки писали, пишут и будут писать!

Но шутки - шутками, а может, сессия - это страшно? Может быть, бояться ее положено? На этот вопрос все отвечают по-разному, хотя кажется, что ответы должны быть однозначными. Один говорит, что боится сдавать сессию не только потому, что она - сессия, но и потому, что сдавать ее нужно. Другой боится по привычке, с первого курса, третий не боится вообще и мотивирует это тем, что сессия - после Нового года, чего ее бояться-то (даже так бывает).

Но закончится скоро сессия, и вот уже у первокурсников появятся новые байки, обростут слухами и пойдут гулять по факультетам, смешая очередных студентов. А пока... Сдавайте сессию, первокурсники. Сдавайте и ничего не бойтесь. Ни пуха вам, ни пера!

В. ТРОШИНЕВ,
третьекурсник (со стажем)
филфака.